

сирота казанская

***В этой
анекдотической
подборке мы
собрали
любопытные
случаи, благодаря
которым
читатель сможет
представить себе
живописную
казанскую жизнь в
ту пору, когда
город посетил
«наше всё»:
Александр Пушкин***

Накануне отъезда из Казани Пушкин решил отблагодарить своих друзей за радушный прием и пригласил всех (набралось человек десять) в самую лучшую ресторацию города – «Казанское подворье». В конце пиршества, когда Пушкину вынесли счет, сидевший рядом с ним поэт Эраст Перцев, завидев кругленькую сумму, удивился:

– Однако, Александр Сергеевич, видно туго набит у вас бумажник!

– Да ведь я богаче вас, – ответил Пушкин, – вам приходится иной раз одалживать или ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный – с тридцати шести букв русской азбуки!

Вот что слышать довелось от Пушкина в Казани (по пересказу Александры Фукс): «За границей из двадцати человек, – говорил Александр Сергеевич, – узнавших, что вы русский, пятнадцать спросят вас, правда ли, что в России отмораживают себе носы? Дальше этого любознательность не идет». Развлекаясь,

Пушкин уверял одного иностранца, что в сильные морозы от колес под каретою происходит скрип и что ловкий кучер так повертывает каретою, чтобы наскрипывать мелодии из разных народных песен. «Это должно быть очень забавно», – заметил тот, выпучив глаза.

Тетушка Прасковья Александровна, приживалка в семье Перцовых, просто-душно спросила Пушкина: «Что уж такого умного в стихах «ах, тетушка, ах, Анна Львовна?» На что Пушкин ответил такой характерной для него фразой: «Надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу дозволяется не всегда быть умными».

Спросили у Пушкина про Александру Фукс, с которой он долго разговаривал, мол, как он ее находит, умна ли?

– Не знаю, – отвечал Пушкин с очень серьезным видом, – ведь я с ней говорил по-французски!

Один казанский графоман, очень чванливый, да к тому же и пьяный, спросил всерьез Пушкина: – Какое сходство между мной и солнцем?

Поэт быстро нашелся: – Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть, не поморщившись, – процедил Пушкин и удалился.

По соседству с Фуксами жила больная тихопомешанная девушка. Соседи, полагая, что ее можно вылечить испугом, провели водопроводный шланг в ее спальню, чтобы обдать внезапным душем. Она действительно до смерти перепугалась и выбежала из своей комнаты. В то время Пушкин возвращался с прогулки.

– Братец, – закричала несчастная, – меня принимают за пожар.

– Ну не за пожар, а за цветок! – отвечал Пушкин.

На второй день своего пребывания в Казани Пушкин посетил местную оперу, где был бенефис казанской примадонны Клары Сабольской. Александр Сергеевич оказался в одной ложе с посредственным казанским поэтом Арбузовым, причем тот об этом и не догадывался. После первого акта бездарного действия Арбузов бисировал что есть мочи, так как тексты многих романсов принадлежали его перу. Однако Пушкин, стоявший рядом, вовсю свистал. Арбузов в сердцах бросил ему:

– Ты, мальчишка, – дурак! Ничегошеньки в искусстве не смыслишь.

На что Александр Сергеевич парировал вполне спокойно:

– Я вам не мальчишка! А отец троих детей... А то, что я Пушкин, говорит само за себя, что я не дурак! А тебе я не даю пощечины по одной простой причине: чтоб Сабольская не подумала, что я ей аплодирую!

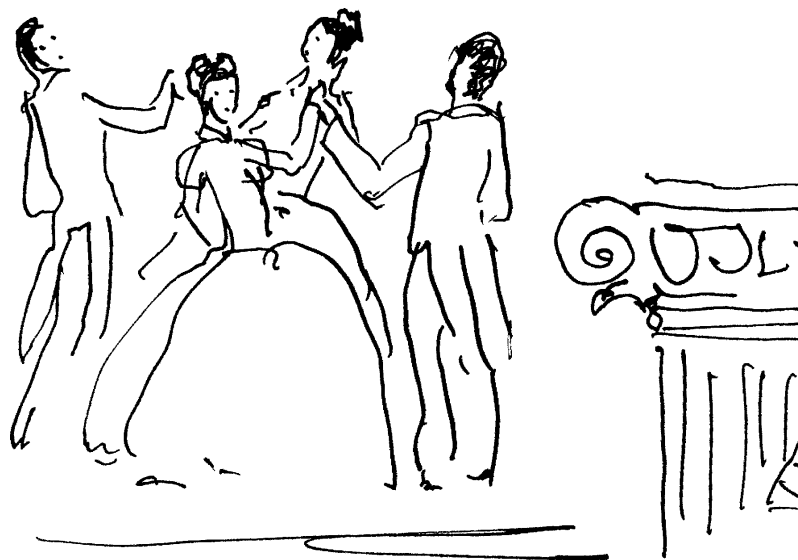
Когда Пушкин сидел у Фуков, в залу вошла матушка Карла Людвиговича и, услышав обрывок беседы о Вальтере Скотте, не удержавшись, возразила:

– Помилуйте, батюшка, Вольтер, конечно, большой вольнодумец, но скотом, право, его нельзя называть!

И, выпив рюмку ликера, удалилась...

Проезжая уездный городок Лаишево, который он, кстати, обозвал «городом в шлафроке» (ночной халат), в своей записной книге Пушкин отметил: «В одном уезде умер помещик, у которого при жизни, кроме собственной, не было ни одной ревизской души. Наследников не оказалось, и по существующим законам уездный суд распорядился оставшееся имущество взять в казенное ведомство. Деловой канцелярист сочинил такое гениальное постановление: «Такой-то помещик волею Божию помер, наследников ни мужеска ни женска пола не явилось, и по сему душа онного помещика и зачислена в казенное имущество».

И еще, из этой же пушкинской тетради (случай записан в селе Васильево): «Некоторого земского суда чиновник был послан для освидетельствования мер-

твого крестьянина, найденного обезглавленным близ большой дороги. Он донес суду: «что по освидетельствовании мертвого тела, боевых знаков на нем не оказалось, и причина смерти неизвестна, а только остается в подозрении покойного голова, которой при нем не обнаружено».

«Секретарь (это было в уездном суде Арска) сказал писцу:

– Помилуй, братец! Сколько запятых наставил ты: что слово, то запятая! К чему это?

– Да с запятыми-то, сударь, красивее!»

Несколько стихотворений Пушкина были опубликованы в 1834 году в альманахе «Казанский обыватель». Пушкин, прознав про это, обратился письменно к издателю с просьбой выслать гонорар, следуемый ему за стихотворения.

В ответ на это издатель письменно же спрашивал поэта: «Когда желаете получить деньги, в понедельник или во вторник, и все ли двести рублей вам послать разом, или пока сто?»

На этот запрос последовал лаконичный ответ поэта: «Понедельник лучше вторника тем, что ближе, а двести рублей лучше ста тем, что больше!»

Надо сказать, что деньги Пушкину так и не были посланы, о чем он еще не раз негодовал в своих письмах.

Задостав для русской словесности

В наше время, когда русский язык замусорен, как городской парк культуры, переиздание «Писмовника» Николая Курганова, воспринимается как «крик души». «Восприятие иностранных слов, а особливо без нужды, есть не обогащение, но порча языка!» – пишет Николай Курганов в предисловии к своему сборнику «Писмовник или Русский словотолк», изданному в Петербурге в 1869 году и переизданному в наше время. И дальше Курганов пишет, что многие привыкли «употреблять иноземные слова в разговорах, и, не смысля их силы и значенья, говорят ни мало не к стате. В здешнем словаре довольно число оных изъяснено ради незнающих иных языков, а не для того, чтобы их все употреблять, но доказать, что они чужие и что многие из них напрасно введены в русский язык, преизобильный своими словами».

Более 2100 иностранных слов содержит «речник» Курганова. Сам автор при переводе этих слов не пользовался собственным словотворчеством, как, скажем, Велимир Хлебников, а лишь «вспоминал» устаревшие исконно русские слова:

Антиподы – противуножные
Банкрот – проторгаш
Бассейн – бадья, лохань
Библиотека – книговник
Галстук – ошейник
Гримасы – лицеблязнь
Клизма – задостав
Лотерея – жребюигрие
Микроскоп – мелкозёр
Неглиже – неуборно
Нервы – жилы
Опера – игрище
Перпендикуляр – прямостой
Пульс – жилобой
Риск – отвага
Симпатия – однокровие

Комментарии к словарю завершаются перечнем иностранных слов, которым не нашлось в нем места, так как их, по мнению автора, вообще нет необходимости употреблять в русской речи. Среди 52 «опальных» слов, кроме уже упомянутых, находим: десерт – заедки, кураж – потеха, бутерброд – пирог...

Предлагал Курганов возродить и русское слово: похерить (потерять, утратить), как незаслуженно забытое. Пожалуй, только последнее, из предложенного списка, и дожило до наших дней.